

***Злобинский Борис Абрамович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "***

***Работающий пенсионер из СПб, 73 года.
Родился я 28 января 1939 года в СССР, в гор. Ленинграде, в еврейской семье.***

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Мой отец, Злобинский Абрам Мойсеевич, 1908 г.р., служил лейтенантом в военно-строительной части РККА на ст. Пери, километрах в 40 на север от Ленинграда, близ границы с Финляндией. Он был призван в кадры Красной Армии вскоре после окончания ДИСИ – Днепропетровского Инженерно-Строительного Института.

Моя мать, Злобинская (урожд. Гарцман) Мария Исааковна, 1910 г.р., работала экономистом в ЛО Промстройбанка, куда она была направлена после окончания ЛФЭИ – Ленинградского Финансово-Экономического Института.

Она приехала с Украины, из Днепрпетровска, где закончила финансово-экономический техникум и успела поработать по специальности, в Ленинград, для поступления в институт. Когда мама сдавала документы, то «забыла» написать в автобиографии, что её отец был «лишенцем»: он был лишён советской властью своего имущества (2-эт. жилого дома и небольшого магазина «мануфактуры», т.е. тканей), а также избирательных прав. Она успешно сдала вступительные экзамены в вуз, и в течение всех пяти лет учёбы была одной из лучших студенток на своём курсе.

Родители мои «расписались» в ЗАГСе и сыграли свадьбу в «весёленьком» 1937 г., в самый разгар показательных судебных процессов и сталинских репрессий.

В это время в стране поощрялось властями «стукачество», и потому оно процветало в народе. По воскресным дням и в дни каникул мама нередко отправлялась на поезде на станцию Пери, откуда добиралась до в/ч, где служил её муж. Общась с его подчинёнными, она поняла, что их культурно-политический уровень весьма низок, и выразила готовность провести с ними дополнительные занятия. Одному из солдат это предложение показалось подозрительным, и он тут же доложил о нём комиссару в/части: а не враг ли народа жена лейтенанта Злобинского А.М.? Слава Богу, комиссар оказался человеком порядочным – он вызвал к себе моего отца и строго предостерег его, велел ему запретить жене-студентке повторение подобного.

По окончании института маме была «выделена» комната в центральной части города Ленина, в доме №4 по бульвару Профсоюзов (здание бывших казарм Конногвардейского полка), в большой коммунальной квартире на 1-ом этаже этого дома. Комната была сырая, и я заболел рахитом, из-за чего не мог ходить. По советам врачей мама летом 1940 г. «сняла дачу» в Сестрорецке, носила меня на пляж и зарывала мои ноги в горячий от солнца песок. Когда мне исполнилось 2 года, я всё-таки начал ходить.

В мае 1941 г. мама отвезла меня на Украину, в г. Днепропетровск, и оставила на попечение своих родителей. Впоследствии она рассказывала, что вся родня – как со

стороны моего отца, так и с её стороны, хвалили её за то, что своему сыну-первенцу она дала имя Борис (по-еврейски Борух – благословенный).

В то время у своих родителей гостила мамина старшая сестра Клара, 1908 г.р. Она приехала в Днепропетровск с Дальнего Востока летом 1940 г. «на сносях» и в начале августа родила сына. Своего первенца она назвала в духе того времени – Вилем, в честь В.И.Ленина. Тетя Клара относилась ко мне, как к родному сыну, и я тоже очень привязался к ней. Родные называли Клару Килей, и я всем говорил: «блюблю Кылю». С нею связана интересная история.

В 1936 г. в гости к семье Гарцман приехал из Америки «дядя Соломон», родной брат главы семьи, Исаака Марковича. Увидев весёлую и неунывающую красавицу Клару и узнав, что она ещё не замужем, Соломон предложил своему брату и его жене: «Отпустите Кларочку со мной в США, там у нас полно женихов, отличных еврейских парней, мы её выдадим замуж, и она будет жить счастливо». Родители Клары и она сама с этим предложением согласились. Но только Клару власти из страны не выпустили: над всем населением СССР сталинский режим опустил

«железный занавес» – выезд из страны простым людям был запрещён. В итоге дядя Соломон уехал к себе в Америку один, без Клары.

А комсомолка Клара Гарцман, работавшая экономистом после окончания в родном городе финансово-экономического техникума, вскоре после этого откликнулась на призыв ЦК комсомола «Девушки, на стройки пятилетки!» и уехала на Дальний Восток. Там, в г. Комсомольске-на-Амуре, работая на новом Авиационном заводе, она встретила молодого инженера, выпускника Томского Политехнического института Сергея Степановича Кальнея. Он был родом из г. Зима Иркутской области и получил уже серьёзную трудовую закалку на реконструкции Транссибирской ж.д., где работал техником-строителем. Этот добрый романтик, искренний член ВКП(б) и заядлый спортсмен, покорило сердце еврейской девушки Клары, и в 1939 г. они сочетались узами брака.

Из пяти дочерей И.М. Гарцмана только одна Клара вышла замуж за русского парня. Дядя Серёжа Кальней стал любимым зятем моего дедушки Исаака. Однако Божье возмездие за нарушение Кларой одной из заповедей Торы постигло её семью, хотя и много лет спустя.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на СССР – началась война, которую позже назвали Великой Отечественной. Германская армия быстро продвигалась по территории Украины.

Маме на работе объявили, что её банк эвакуируется на Урал, в г. Краснокамск Молотовской области (ныне – Пермский край). Получив разрешение, она приехала в Днепропетровск, быстро собрала в дорогу меня и мою бабушку Елизавету Борисовну Гарцман, и мы втроём сели на поезд, чтобы ехать на восток. Но вскоре после отправления поезда налетела немецкая авиация и начала бомбить наш эшелон. Поезд остановился, и пассажирам дали команду разбегаться налево и направо от ж.д. путей. А немецкие лётчики на бреющем полёте поливали их с неба огнём из пулемётов. Мама рассказывала, что бабушка Лиза закрыла меня от пуль своим телом: если попадёт, пусть в неё, только бы сохранить жизнь мне, ребёнку.

Но Бог сохранил нас, и мы добрались, в конце концов, до Краснокамска. Маме дали комнату в коммунальной квартире, в кирпичном доме. Однако в пути я заболел корью, болезнь протекала тяжело, с высокой температурой, лекарств не было. Потом я выздоровел, но осложнения после кори напоминают о себе до сих пор.

Вскоре к нам приехала тетя Клара с Виликом, который в дороге заболел дизентерией, так что их сразу поместили в больницу. После выписки из больницы они ещё некоторое время жили у нас: тётя Клара ждала получения из Комсомольска-на-Амуре, от дяди Серёжи «вызова». Только получив его, она смогла уехать с годовалым сыном на Дальний Восток. Семья Кальней все остальные трудные дни войны прожила там, в г. Комсомольске-на-Амуре. Поскольку инженер по сварке С.С. Кальней работал на местном Авиационном заводе, выпускавшем самолёты для фронта, то призыву в Армию он не подлежал. О таких специалистах в то время говорили: «он имеет бронь от Армии». А в конце сентября 1945 г. у Сергея и Клары

Кальней родился второй сын, которого называли Александром, или Сашей. Он стал для меня не просто братом, а самым верным и искренним другом.

В Днепропетровске до войны жили ещё две сестры моей мамы: Аня (1912 г.р.) и Соня (1917 г.р.). Аня, единственная из 5-и сестёр Гарцман, вышла замуж не по любви, а по расчёту. Мужем её был еврей Моисей Лерман, он занимал выгодную должность, кажется, главного бухгалтера Мелькомбината. В 1938 г. у них родилась дочь, которую называли Лорой. Тётя Аня не работала, а Лору она очень баловала.

Соня была самой младшей из сестёр Гарцман. В 1940 г. она закончила строительный факультет ДИСИ. В начале войны строительный трест, в котором она работала, был эвакуирован в Сибирь, в г. Новосибирск. Поскольку муж Ани Моисей Лерман был призван в Армию, то Аня с дочкой уехали из Днепропетровска вместе с незамужней Соней. В г. Новосибирске они жили в одной комнате и спали на одной кровати. Соня работала, а Аня – нет. Потом, по настоянию Сони, устроилась на работу и Аня.

Моя мама и тётя Соня наладили между собой переписку. Узнав из письма, что у Бореньки нет зимнего пальто, тётя Соня пошла на вещевой рынок, купила мне кроличью шубку и выслала её в наш адрес посылкой. Так что уральские морозы были мне не страшны. По утрам мама рано уходила в банк на работу, а я оставался с бабушкой. По вечерам мама возвращалась домой и рассказывала о том, что было в банке. А я пытался представить себе эту большую стеклянную банку, в которой работает моя мама.

17.09.2012 – 29.10.2012